

НООСФЕРНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 130.2 + 141.2

ББК 20.1 + 87.21

Г. П. Аксенов

О СТЕРЕОТИПАХ И ПАРАДОКСАХ НООСФЕРЫ

В статье анализируются стереотипы, сложившиеся в науке о ноосфере, показаны причины их возникновения из ограниченности философского сознания, в рамках которого осуществлялось осмысление учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Сформулирован современный взгляд на представления о ноосфере в контексте эволюции. Дан компаративистский анализ экологического и ноосферного дискурсов. В рамках преодоления имеющихся перекосов в понимании смысла ноосферы предлагается новая предметная область ноосферных исследований – ноосферика.

Ключевые слова: ноосфера, В. И. Вернадский, П. Тейяр де Шарден, стереотипы осмысления ноосферы, ноосферика, интеллектосфера, оразумление бытия, пневматосфера, эволюция ноосферы.

G. P. Aksenov

ABOUT THE STEREOTYPES AND PARADOXES OF NOOSPHERE

The article analyzes the stereotypes in the science of the noosphere, showing their causes in the limitations of philosophical consciousness and understanding of Vernadsky's teachings of biosphere into noosphere transition. The modern view at the conception of noosphere in the evolutionary context is given. Comparative analysis of ecological and noospheric discourses done by the author. In the context of overcoming the existing imbalances in the understanding of the noosphere a new subject area of noospheric studies – noospherica – is offered.

Keywords: noosphere, V. I. Vernadsky, P. Teilhard de Chardin, stereotypes of the noosphere understanding, noospherica, intellectosphere, understanding of being, pneumatosphere, the evolution of the noosphere.

Материал поступил в редакцию 25.12.2015; рекомендован к публикации 14.01.2016.
Рецензент от редакционной коллегии журнала – доктор философских наук, профессор Г. С. Смирнов.

Напрасно стал бы человек пытаться научно
строить мир, отказавшись от себя
и стараясь найти какое-нибудь
независимое от его природы понимание мира.

В. И. Вернадский

Мысли о современном значении истории знаний
(1926 год)

До недавнего времени в нашей философской литературе бытовали две трактовки понятия ноосферы. Одна считалась сомнительной, поскольку была предложена католическим монахом, членом ордена Иисуса Пьером Тейяром де Шарденом и, разумеется, ассоциировалась с идеализмом. Его, без сомнения, ожидала участь многих других «идеологически чуждых» и «буржуазных» понятий, если бы одновременно не возникло второе толкование ноосферы, созданное В. И. Вернадским. Феномен разделения ноосферы на две трактовки – правильную и неправильную – присущ иногда и представителям другого лагеря, кому на роду было написано культивировать идеалистическое направление мысли [14, с. 230]. Рационально мыслящие ученые тоже иногда относят идеи французского мыслителя к области философии, а построения русского натуралиста – к изучению грубой, осязаемой материи¹.

В последнем советском философском словаре говорилось, что Вернадский «внес в термин материалистическое содержание; ноосфера – новая высшая стадия биосферы, связанная с возникновением и развитием в ней человечества, которое, познавая законы природы и совершенствуя технику, начинает оказывать определяющее влияние на ход процессов в охваченной его воздействием сфере Земли. Поскольку характер отношения общества к природе определяется не только научно-техническим уровнем, но и социальным строем, постольку сознательное формирование ноосферы органически связано со становлением коммунистической общественно-экономической формации, создающей условия для превращения знаний, накопленных человечеством, в материальную силу, рационально преобразующую природную среду» [23, с. 440]. Высказанное здесь одобрение идей советского академика несколько подозрительно, поскольку якобы соответствующие построению коммунизма и материалистическому мировоззрению труды Вернадского о ноосфере начали

¹ *Примечание:* примерно так рассуждают создатели «Биосферы–II» – искусственной экосистемы, функционирующей в американском штате Аризона [см.: 3].

печататься даже позже, чем труд П. Тейяра де Шардена «Феномен человека», переведенный на русский язык в 1965 году. Произведения обоих мыслителей печатались к тому же не в лучшем виде, препарировались.

За последующие после первых публикаций Вернадского годы с его ноосферными идеями произошла в нашей литературе некоторая эволюция. Их стали относить уже не собственно к ноосфере, а к той неопределенной и безразмерной области идей, которая называется у нас экология. Иначе говоря, к сфере взаимоотношений общества (человека, человечества) и окружающей среды. Причины такого дрейфа – скорее психологического свойства, они не вытекают из существа самих идей и демонстрируют только степень их непонимания. Все-таки, понятие ноосферы, как бы его ни трактовать, затрагивало святая святых марксистской философии: отношение сознания к бытию. Согласно учению о ноосфере, мысль управляет материей. Как сие понимать? Если не пересмотр, то, во всяком случае, нежелательное для идеологии усиленное внимание к сакральным материалистическим ценностям. И тогда, стремясь из опасной зоны, ищущая философская мысль обратилась к дозволенным экологическим речам. Поскольку идеология допускала некоторое (неантагонистическое) противоречие между обществом и природной средой даже при социализме, сюда и устремилась мысль. Были порождены многочисленные, неизвестные в других местах «экологии» – экология духа, экология культуры и тому подобные умственные продукты. Понятие о «хорошей», материалистической ноосфере стало для этого направления мысли как бы вторым, теоретическим этажом, а Вернадский объявлен кем-то вроде патриарха, основоположника экологии.

Главный постулат любых экологических воззрений – чаемое равновесие с природной средой – стало ассоциироваться с представлением о более совершенном будущем, или, иначе говоря, с недостающей в марксизме природной составляющей компоненты. Социализм как первая стадия этого будущего соответствовал уровню биосферы, а коммунизм – ноосферы. Последняя приобрела в этих рассуждениях черты благостного, разумно устроенного общества и должна быть построена сознательными усилиями масс.

Начиная со Стокгольмской конференции по окружающей среде 1972 года, в которой наша страна не участвовала, но идеи которой глубоко были здесь восприняты, понятие ноосферы под напором ищущей мысли, на которую наложились идеологические фильтры режима, приобрело

деформированные черты. Усредненное и упрощенное, оно в таком искаженном виде – как идеологический придаток экологии или как озелененный коммунизм вошло в школьные и университетские учебники, и по этой причине очень широко распространилось в бытующем популярном мнении.

Теперь, с прекращением «строительства» коммунизма общество как бы перестало строить и ноосферу, так что эта часть идей, напрямую связанных с бывшей идеологией, ушла в прошлое. Но сами философские основания этих воззрений, и особенно смесь экологических идей с ноосферными, продолжают бытовать.

Расхожее мнение о ноосфере держится на трех китах, приплывших из экологического сознания. Во-первых, на разделении понятия ноосферы на материалистическое и идеалистическое. Во-вторых, на связи ноосферы и экологии – есть ли она и зачем? В-третьих, на временных пределах ноосферы: существует ли она сейчас, возникла ли в прошлом, или только должна быть построена? Необходимо преодолеть эти три стереотипа мышления.

Стереотип первый: существуют две ноосферы. История появления самого термина описана многократно. Вкратце она сводится к тому, что понятие ноосферы сформулировано в пятилетие 1924–1929 одновременно во Франции и России Вернадским, Эдуаром Леруа и Пьером Тейяром де Шарденом. К ним нужно, вероятно, причислить близко стоявшего по строю мысли, хотя и находившегося вне академической среды русского философа Валериана Муравьева, создавшего оригинальное учение о времяобразующей деятельности социально-экономических групп. В 1922–1925 годах, находясь во Франции, Вернадский опубликовал свои новые изыскания в геохимической трактовке биосферы. Основываясь на них, Леруа и Тейяр выдвинули сам термин «ноосфера»². В середине тридцатых годов Вернадский уже начал употреблять этот термин.

Общей характеристикой данного направления мысли можно считать преодоление господствовавшей тогда в духовной и научной жизни Европы

² *Примечание:* первыми источниками, из которых выросло понятие ноосферы, можно считать «Очерки геохимии» [13], «Автотрофность человечества» [7], «Les origines humaines et l'évolution de l'intelligence» [24]. В последнем труде впервые употреблен термин «ноосфера» и Леруа ссылается при этом одновременно на изданную тогда в Париже «La Géochimie» В. И. Вернадского и на неизданный тогда мемуар своего друга П. Тейяра де Шардена «Гоминизация». Сам Пьер Тейяр вспоминал: «Я полагаю, само слово "ноосфера" – мое (впрочем, почему знать?) Но это он (Леруа – Г. А.) ввел его в обращение» (из письма о. Тейяра о. Руссо от 3 дек. 1954 года [Цит. по: 19, с. 95; см. также 17]).

тенденции делить действительность на материю и сознание, или на природу и разум. Глубокая и многоликая, эта дихотомия имеет мощные корни, исходит из могучих архетипов сознания, и прежде всего из презумпции начала и конца мира, т.е. из христианской эсхатологии.

Архетип «начала сущего» настолько силен, что его не поколебали ни атеизм, ни научный позитивизм. Основные конструктивные опоры научного миропредставления, несмотря на их материалистическую и рационалистическую переформулировку, тем не менее, связаны с представлением об одном и том же порядке творения мира, его эволюции. Мир возникает из ничего, он проходит постепенно определенные стадии усложнения: сначала возникают элементарные частицы, из них строятся атомы, молекулы; их соединения образуют более сложные химические структуры, приводящие к формированию в определенных благоприятных условиях биологических систем. А эволюция последних приводит к возникновению человека и общества. Всем этим формам существования материи и энергии придается определенная генетическая связь. Последующее, более сложное развивается в ходе времени из предыдущего, более простого.

Какие бы новые теории и гипотезы относительно космоса не возникали, они в основном укладывались в эту схему и прекрасно согласовывались с креационизмом первых страниц Ветхого Завета. Идея эволюции мира от простого к сложному настолько общепринята, что давно превратилась в «естественную» установку сознания. Она не обсуждается, считается сама собой разумеющейся, во всяком случае, в положительных науках. В рамках этой установки и считается, что человек возникает однажды как познающее существо и противопоставляет себя материальному миру. Там – материя, здесь – идеи, сознание.

Ноосферной мысли Вернадского чужд такой редукционизм, она стоит на несводимости сложного к простому, на разнокачественности мира [20]. Связь различных форм материи и энергии, безусловно существующая, не определяется для нее происхождением одной из другой. Высшего и низшего нет. Каждый слой бытия определяется специфическим качеством и изучается разными методами и инструментами. Новое, содержащееся в предмете, больше свидетельствует о нем, нежели фамильное сходство с другим уровнем бытия.

Вернадского в нашей литературе обычно называли философским реалистом, основываясь на его собственных высказываниях, что ученый

должен исходить из безусловного признания существования внешнего материального мира. При этом официальная философия рассчитывала, что приученный к диалекту читатель отождествит реализм с материализмом. Однако наряду с материальными силами Вернадский считал равнозначными и не менее реальными идеи, реализующиеся через труд человечества. Так что его реализм носит скорее платоновский характер. Но Вернадский не сводил ни материю, ни идеи к «началам», к принципам и сущностям. Он был натуралистом и для него гораздо важнее и реальнее существование наличного результата взаимодействия того и другого, а именно – явления. Существует всегда суммирование действий, а не гипостазированные общие принципы. Так, в природе Земли существует такой минерал, как вода, распадающийся на более чем 350 видов природных вод, но нельзя нигде найти воду, состоящую из двух атомов водорода и одного атома кислорода. Последняя есть абстракция теоретической химии от природной реальности.

В своей знаменитой речи «Задача дня в области радия» на общем собрании Академии наук 29 декабря 1910 года Вернадский говорил о новой, более сложной картине мира, которая придет на смену той, что истекает из такого рода абстракций. «Можно и должно различать несколько, рядом и одновременно существующих, идей мира. От абстрактного механического мира энергии или электронов-атомов, физических законов, мы должны отличать конкретный мир видимой Вселенной-природы: мир небесных светил, грозных и тихих явлений земной поверхности, окружающих нас всюду живых организмов – живых и растительных. Но за пределами природы огромная область человеческого сознания, государственных и общественных групп и бесконечных по силе и глубине проявлений человеческой личности – сама по себе представляет новую мировую картину.

Эти различные по форме, взаимно проникающие, но независимые картины мира могут сосуществовать в научной мысли рядом, никогда не могут быть сведены в одно целое, в один абстрактный мир физики или механики. Ибо Вселенная, все охватывающая, не является логическим изображением окружающего или нас самих. Она отражает в себе всю человеческую личность, а не только логическую ее способность рассудочности. Сведение всего окружающего на стройный или хаотический мир атомов или электронов было бы сведением мира к отвлеченным формам нашего мышления. Это никогда не могло бы удовлетворить человеческое сознание, ибо в мире нам ценно и дорого

не то, что охватывается разумом, и чем ближе к нам картина мира, тем дальше отходит научная ценность абстрактного объяснения» [8, с. 204–205]. Таким образом, физическая картина мира, вернее сказать, строящаяся на основании физических законов картина мира, есть логическая умозрительная схема. В реальность входит неустранимо человеческая деятельность, которая упорядочивает и организует ее в соответствие со своим внутренним миром. Может быть, с точки зрения логики, физики и химии, это неправильно, «нечисто», нарушает стройность законов и принципов, но мир таков. В него входят ценности, как движущая сила.

Вернадский во многом солидаризируется здесь с философией Анри Бергсона, которую очень высоко ценил. Жизненный порыв, творческая эволюция и иные ее ключевые понятия есть в некотором смысле аналог миродействия, преобразования действительности. Жизненный порыв – *élan vital* – ничему не родственен, ни из чего не произошел, он представляет собой самостоятельную часть природы. Он распространяется спонтанно, не из чего не происходя. Все формы жизни, которые мы наблюдаем в окружающем мире, есть результат жизненного порыва, который лимитируется только ограничивающими условиями внешней безжизненной среды. Сильнее всего, далее всего жизненный порыв продвинулся в человеке. *Elan vital* олицетворяется в нем интуицией, движущей человеческую деятельность – наиболее богатым из всех возможных видов движения. Неосознанное стремление человека действовать деформирует всю мировую ткань, выводит из мертвого равновесия и приводит в движение все слои и пласты бытия. Интуиция длит действительность [см.: 4; 5]. Противоположны интуитивности размышление, осознание, когда действие как бы прекращается. Вот тогда-то, в эти краткие миги остановки, единая действительность разделяется на субъект и объект, или на материю и дух, на первичное и вторичное, смотря по контексту.

Именно размышление зафиксировано в философии, вообще в поле человеческого исследовательского интереса и первым стало объектом положительной науки. Исследование же действия, разнообразного, не поддающегося стройным схемам, наиболее богатого по своим связям, началось, в сущности, недавно и высшим ее цветом стали кибернетические, управленческие науки, формирующиеся в середине XX века. Их появление символизирует переход от анализирующей науки прошлого к синтезирующей. Именно действие актуализирует все потенции Вселенной, сначала интуитивно

и проективно, а затем и реально охватывая мир в едином порыве. Вернадский поэтому оставляет видовое самоназвание человека *Homo sapiens* только для этого размышляющего, рефлексирующего человека и принимает определение Бергсона *Homo sapiens faber* – человек разумный творящий, производящий. Оно больше отвечает реальному положению вещей, месту разумного существа в мире.

Мышление само по себе, даже как бы наиболее правильное, строгое и научное, способно породить только отвлеченные схемы вроде физикалистской картины мира или уныло-бесцельного марксистско-дарвиновского восхождения саморазвивающейся материи, высшим цветом которой всегда оказывается собственная философия автора. Таков финализм Гегеля, имплицитно повторившийся в марксизме, который хотя и объявляет развитие бесконечным, претендует на роль регуляровщика на этом пути.

Законов истории, особенно культивируемых марксизмом, экономических или формационных, на самом деле, как показала эта история, нет. Правильную картину мира не только с помощью логики и мышления формирует деятельная личность. Наука только окрашивает в свои цвета действие, усиливает и ускоряет его. Она присоединяет действия к уже существующему миру, но не создает его заново. Мир XX века, писал Вернадский, есть мир людей действия: ученых, инженеров, зодчих, техников, навигаторов. Наука выполнила требование Николая Федорова выйти в мировой простор из детской-лаборатории. Она онаучивает все проявления деятельности, не оставляя без внимания и в первозданности ни одной черты практики, окультуривая ее спонтанное течение. Недаром на образ мысли нашего века, на философию оказали наибольшее влияние две новые дисциплины – кибернетика и генетика, в глубине которых нет разделения на материальное-идеальное. Вещество в них служит только носителем информации. Эти науки и стали главными врагами официального диамата в нашей стране, которых он не без оснований опасался, ибо они взрывали изнутри его подростковое материалистическое мышление.

Ноосфера, сегодня так явственно огибающая планету своими радиоволнами, компьютерными сетями, человеческими коммуникациями и технологиями, вполне измерима с точки зрения циркулирующей в этих носителях информации. Только в количественном плане. Но она не поддается измерению с точки зрения качества информации. Здесь и кроется сущность ноосферы, как мира созидания и творчества нового, сферы реализации

проектов. Неподатливое для определения качество и есть причина единства и цельности мира.

Стереотип второй: ноосфера – основа экологии. Гносеологический порок марксизма состоял в игнорировании природы, в том числе и природы человека, вернее, он ее искал не там, где она содержалась. Для марксизма нет «тихих и грозных» конкретных проявлений естества во всей его многосложности. Их заменяют сухие абстракции-категории, их вращение, слияние, разделение и взаимопереходы. Мысль сосредотачивалась на обществе и выдавала себя за последнюю истину, тогда как деятельность человека во всей совокупности природных связей оставалась на периферии этой истины.

Итак, человек есть продукт общественных отношений. Чисто отвлеченно, логически. В равной мере и обезьяна, и любое другое стадное животное есть продукт своих общественных отношений. При этом происходит незаметная подмена: подразумевается, что общество более сложный феномен, порождающий более простые элементы – своих членов. Общество объявляется более фундаментальной совокупностью, чем человек. Очевидность незаметно возводится в абсолют. Однако, как и многие прежние очевидности, и эта опровергается наукой XX века. Природа человека более сосредоточена в его личности, чем в общественности. Личность не покрывается понятием человек. Напротив, общность есть часть личности. Сведя личность к человеку, к совокупности общественных отношений, марксизм совершил усекновение личности и превратил ее в средство истории, в функцию чьих-то интересов. «Бесконечные по силе и глубине проявления человеческой личности» для него – пустой звук и лирика.

И когда наши философы, спасаясь от ограничений, устремились в благословенные экологические палестины, они взяли с собой материалистическое и дарвинистское понятие человека как биологического вида, но не понятие личности. В экологии понятия личности нет, оно не требуется. И потому идеологическая цензура, здраво рассудив, выдала экологии фирман на разработку энвайронментных проблем применительно к господствующей идеологии, поскольку критицизм такого рода не затрагивал основ.

Самые фундаментальные и общераспространенные экологические темы касаются взаимоотношений среды и человека. Они стоят в том же ряду, что и взаимоотношения любой популяции и среды в экологии любого вида. Несмотря

на богатство потребления и разнообразие общественных положений, человек рассматривается как зоологический вид, как часть природы и как встроенный в ее трофические цепи участник потребления. В рамках этой тематики человек действительно и вполне закономерно выступает частью общества, функцией общества, потому что, говоря вообще, общество – более древнее, первичное и более простое явление, чем человек. Производя человека от общества, мы получаем существо счислимое, измеримое и вполне поддающееся описанию в рамках такой биологической дисциплины, как экология.

Но сказать: «экология личности», «экологическая ниша личности» – нельзя, потому что личность несравнима, она есть чистое качество, а не количество. Любая личность несопоставима с другими. Экологию деревенского жителя, вероятно, изучать можно. Но если этот житель – Михаил Пришвин? Какими измерениями мы покроем существо его личности? А именно неизмеримое и составляет то, что наиболее важно и для него, и для нас в этом человеке. Его жизнь определяется, в конце концов, и в материальном, бытовом плане, интересами творчества, которые нельзя свести нацело к посюстороннему и понятному.

Таким образом, у человека как члена социума есть точные измерения и границы, есть своя экология, но у личности границ нет. Если мы представим себе ее во всех духовных и престижных, а также и витальных потребностях, то сразу встанем в тупик при любых попытках ее определения. Личностное оказывается весомее, чем общественное. Личность полнее общества, умнее и духовно богаче его. И потому у личности нет главного параметра экологии – экологической ниши. А точнее сказать, экологической нишей личности становится весь мир, вся Вселенная. Личность соответствует миру, предстает силой космического свойства, если под словом Космос понимать порядок и строй природы, а не пространственное измерение, хотя и в этом последнем смысле Космос оказывается равновелик людям, становится обитаемой ареной их деятельности.

Даже простые, витальные потребности человека уже не простые, а раздвигаются ныне до немыслимых прежде пределов. Об этом хорошо говорит Тейяр: «Теперь, кроме хлеба, который символизировал в своей простоте пищу неолита, каждый человек требует ежедневно свою порцию электричества, нефти и радия, свою порцию открытий, кино и международных известий. Теперь уже не простое поле, как бы оно ни было велико, а вся Земля требуется,

чтобы снабдить каждого из нас. Не правда ли, возникает, если можно так выразиться, великое тело со своими членами, своей нервной системой, своими воспринимающими центрами, своей памятью, тело того великого существа, которое должно было прийти, чтобы удовлетворить стремления, порожденные в мыслящем человеке недавно приобретенным сознанием своей солидарности и ответственности за целое, находящееся в состоянии эволюции» [22, с. 195]. Тем самым философ совершенно четко противопоставил человека – существо питающееся, неолитическое, и личность – существо современное, производящее и творческое. Первый как определенный вид общественного животного – вторичен и произведен, второй непродуцирован и не мог произойти из темного животного, жестко запрограммированного общества. Человек – появился, но разум – не мог появиться. Он есть скачок к новому качеству, квантовый скачок, без переходных ступеней. О том, как это могло происходить, – ниже.

Экология, как бы ни трансформировать ее понятия, восходит в своих первоначальных посылках к биологии. Вернадский, разумеется, знал такую дисциплину, но отводил ей скромное место в общей схеме знания и тем более не претендовал на место ее основоположника. Экология должна быть скромной инженерно-экономической и природоохранной дисциплиной. Она стоит на представлениях о трофических цепях, трофических сетях, пирамидах и т.п. Как бы в применении к человеку их ни маскировать, они непременно выглядывают из высоколобых философских рассуждений об экологических законах типа «Все должно куда-то деваться!», о среде обитания, о гармонии с этой средой. Кто для кого является пищей? Природа как ресурсы, как среда потребления. Отсюда прагматическая задача: как использовать ее, чтобы оставить будущим поколениям. Отсюда моральные императивы о минимуме потребления со всеми его завихрениями вроде руссоистского «возвращения в блаженное первобытное состояние».

Уже в биосферной теории Вернадского понятие о трофических цепях и противопоставление «среда-организм» отступают перед другим, более фундаментальным понятием – единством природы, в котором среда и является производением жизни и не может быть отделена от живого вещества. Живое вещество существует в единстве своих биогеохимических функций. Где их границы, что существенно для системы?

Каждый вид живого в биосфере характеризуется не столько пищевыми связями, сколько тем, что он дает среде и не на макромолекулярном, а на атомном, даже изотопном, уровне и более того, на пространственно-временном. Именно там обеспечивается единство и целостность биосферы. Живое вторгается в самые тонкие, и стало быть, самые массовые, космологические взаимодействия. На этом фоне биологические взаимодействия отступают на второй план и вперед выходят простые материально-энергетические связи. Проще говоря, экология изучает, что организм берет, а биосферные науки – что он дает.

Одни виды создают некие химические соединения и их разнообразные химические комплексы, строящие земную кору, другие – разлагают их на составные элементы. Чем сложнее эта система, тем развитее биосфера, и значит, меньше накапливается однообразных продуктов жизнедеятельности, представлявших бы угрозу существованию целого. Вернадский заложил основы изучения закономерных, как он их называл, функций живого вещества, вызывающих циклические круговороты элементов в цепях живое вещество – косное вещество. В этой системе виды не имеют биологического смысла. Подчас весьма далекие по морфологии виды, принадлежащие к далеким таксонам, выполняют совершенно сходные биогеохимические функции. Например, поддержанием в атмосфере определенного количества свободного кислорода заняты как сине-зеленые микроорганизмы, так и многоклеточные зеленые растения.

Набор этих функций есть важнейшая, становаая характеристика биосферы. Их совокупность и составляет то целое, которое видится Тейяру, что способно поддерживать свое существование в космосе автономно. Как в сложной системе организма, так и в биосфере функции живого взаимодополнительны, хотя могут быть и взаимоисключающи. В истории природы виды живого – временны, преходящи, палеонтология свидетельствует, что они появляются и исчезают. Но функции живого – постоянны. Они развиваются и усложняются, но не исчезают. Так что они более реальны, чем виды живого и тем более – чем их трофические связи. Этим объясняется устойчивость жизни на Земле в течение невероятной толщи лет перед лицом многочисленных космических катастроф, происшедших за это время [12].

Без понимания биогеохимических функций невозможно уразуметь, что такое ноосфера, какова ее роль. Появление человека, не могущее быть

объясненным в рамках экологически-трофических связей, с точки зрения биосферики есть дальнейшее усложнение, расчленение «монолита жизни», по выражению Вернадского, и таким образом, повышение его устойчивости перед внешними воздействиями. Любое увеличение разнообразия повышает устойчивость системы – это один из законов кибернетики. С точки зрения этого повышения человек – не паразит на теле планеты, случайно вторгшийся в «гармонические» и равновесные трофические связи, а существо глубоко закономерное. Только природой его следует считать не потребление продуктов, а внесение в природу того, что в ней не содержалось – разума, повышающего разнообразие и полноту жизнедеятельности целого. Ноосферика поэтому требует сосредоточения не на потреблении, а прямо наоборот – на преобразении действительности, творческом преобразении. Она должна изучать деятельность человечества, куда экологические правила входят как незначительные и не имеющие веса подробности. Проблема противоречия со средой суть не задача сокращения appetites человека для достижения равновесия, а проблема внутреннего духовного совершенства его, улучшения и упорядочения его устремлений – источника творчества. Здесь мы соприкасаемся с философски вечными проблемами, а не со специфически современными экологическими. Ноосфера по-новому раскрывает древние философские категории и ценности, основываясь на них, а не противореча им.

Происхождение человека не должно смешиваться с происхождением разума. Явление первого есть факт биологической эволюции, появление нового общественного животного, более эффективного. Явление второго есть факт космической истории. Долгое время теория происхождения человека как животного вида казалась очень смелой и добавляла запретного антиклерикального авторитета науке. Но сама эта очевидность нас не может ныне удовлетворить и кажется плоской, такой же очевидностью, как видимость вращения Солнца вокруг Земли, которая тоже ведь на протяжении веков вполне устраивала мыслящих людей и породила целый ряд дисциплин, начиная с птолемеевской научной программы.

Ноосферика выявила более глубокие закономерности: появляется не отдельный вид, а система в целом, равная биосфере. Мы имеем право говорить только о переходе одной системы в другую, а не о появлении какого-то отдельного стручка на великом древе жизни. Здесь расхожие образы только затемняют дело. «С высвобождением в человеке мощи рефлексующего

разума, – пишет автор самого термина «ноосфера» Эдуард Леруа, – решительный шаг сделан. С этого момента чисто биологическое телесное совершенствование, возможно, закончено. Во всяком случае, эволюция использует новое средство, чисто психического свойства. Этот качественный скачок имеет такое же значение, как и первое внедрение жизни в материю.

Чтобы отдавать себе в этом отчет, необходимо рассматривать человеческую оболочку как явление того же порядка и величины в общей экономике Земли, как и сама Биосфера. Она вовсе не часть, но подобна ей...» [см.: 24, ch. III]. Подобие тут понимается геометрически. Фигуры могут быть разных размеров, но подобны.

Если числить человека дитятей окружающей среды, ее частью и существом производным, мы снова скатываемся на противопоставление объекта и субъекта, на раздвоение действительности на дух и материю. В реальности же у человека далеко не детская роль – быть деятелем преобразования всех мировых процессов. И это не пожелание, от него нельзя уклониться. Вернее сказать, это реальность. Человек действует именно так до всякого понимания своей роли, и лучше всего, как говорит Норберт Винер, присоединиться к движению, чтобы устраивать произвольные островки порядка и организованности в мире, который стремится сам по себе к равновесию и падению к одинаковости, согласно правилу энтропии.

Идеал экологических мечтаний как раз и есть достижение гармонии и равновесия между человеком и средой обитания. Но в таком идеале содержится жизнеотрицательный потенциал. В нем содержится нелепое желание, как говорит булгаковский Воланд, снести напроочь с поверхности земли все строения и деревья, потому что они отбрасывают тени и наслаждаться голым светом. С точки зрения экологии, человек – лишнее звено в окружающей среде, нарушитель и возмутитель спокойствия. По этой логике и все живое – такой же нарушитель равновесия в мертвой природе и тоже оказывается лишним, ибо взвихряет мертвую материю. Тогда в идеальном состоянии находится Луна. Там ничего не происходит и она полностью равновесна.

В рамках экологических и материалистических представлений совершенно невозможно уяснить, что же человек производит, каков его конечный продукт, вносимый в окружающую среду. Получается, что не вносит ничего, кроме мусора и лишней энергии. Соответственно все проблемы сводятся к утилизации отходов в масштабах от двора до планеты в целом.

Экология – это проблема очистных сооружений и на философскую глубину, которую ей хотят придать, совсем не тянет. Пытаясь выйти из рамок ограниченной научной дисциплины и усерьезнить свои проблемы за счет ноосферных понятий, экология прививает к ним свой стиль мышления оппозиционными парами: среда – человек, среда – популяция.

Для того, чтобы лучше уяснить, почему нельзя считать разум явлением тварным, вторичным и производным, как и саму жизнь производной от косной материи, и в чем состоит не чаемое, а объективно происходящее совершенствование внутреннего мира человека, необходимо обратиться к проблеме появления ноосферы. Когда это произошло?

Стереотип третий: ноосфера должна быть построена. Непрерывное ожидание счастья – не специфически советский или русский феномен. Сама коммунистическая идеология стала возможной, лишь пробудив более древние, глубинные слои сознания – мифологические, архетипические и коллективные его уровни. Коммунизм погрузил людей на какое-то время в племенное сознание. Оно характеризуется пустотой и бессодержательностью настоящего и непрерывным ожиданием будущего. Смысл жизни все время переносится в завтра. Жить для великого, для подлинного, но не сегодняшним днем. Отсюда феномен революционного нетерпения, страстное приближение внезапной, всеобщей, повсеместной справедливости взамен медленного и терпеливого устраивания отдельных островков порядка. Отсюда и мессианские притязания (мы, живущие для великой цели – не чета обывателям, мы – соль земли!).

Незаметным образом отрицание настоящего времени оказывает влияние и на экологические мечтания о «всеобщей гармонии», обретении равновесия между человечеством и окружающей средой, создании идеальных отношений между ними. Биосфера, следовательно, должна переходить в разумное состояние, должна быть построена ноосфера, как царство разума, добра и справедливости.

До некоторой степени в путанице виноват и сам Вернадский, когда его читают чересчур выборочно. «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого.

Это новое состояние, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть ноосфера» [9, с. 218]. Однако данная статья слишком интегральна, чтобы

основываться только на ней: она кодирует больше, чем здесь сказано. Более полное изложение темы мы, конечно, найдем в книге, которая вся посвящена ноосфере, – «Научная мысль как планетное явление», но и ее недостаточно для усвоения идеи ноосферы. Понятие ноосферы вытекает из всего объема творческого наследия Вернадского, чрезвычайно цельного; его истоки можно обнаружить в ранних работах, даже не посвященных специально данному предмету. Ученый как бы всегда оставался равным самому себе, развивая мысль, заложенную в нем изначально.

В заметке «Несколько слов о ноосфере» не объяснено, что такое будущая ноосфера и чем она отличается от настоящей, от прошлой. Между тем никакого противоречия между прошлой ноосферой и той, что ожидает нас впереди, нет. Есть неожиданности развития одного объекта. Из вышеприведенных слов Леруа ясно, что происхождение человека не нужно смешивать с происхождением системы, планетной оболочки. Объяснять сущность происхождения, некими корнями с логической точки зрения неправильно. Строение корней ничего не говорит нам о строении кроны. Так и о свойствах ноосферы свидетельствует не то, что «произошло», что выросло из общего у нас с живым миром корня, например, средообразующей экологической деятельности, которая присуща всем видам. Должен найтись значимый и решающий элемент, который резко и без всяких переходов отъединил человека от животного мира, который не содержится в предшествующей истории, чему нет никаких аналогов в биосфере. И такой элемент, решивший судьбу человека – вовсе не загадочен, а давно исследуется в науке и в философии, но ему никогда не придавалось природного, геологического смысла, а значит, и ноосферного. Этот элемент – слово, как выражение мысли. Слово здесь имеется ввиду в евангельском смысле, как принцип, начало бытия. Как значение, стоящее за любым осмысленным, или, если угодно, грамматически правильным текстом.

Многие пытались найти и определить это общее, стоящее за каждым выражением. «В слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия», – говорит А. Ф. Лосев [16, с. 28]. Он называет значение слова эйдосом, т.е. формой мышления, зафиксированной в слове и объединяющей любое конкретное содержание. Этой формой служит образ мира, который создает идеальную силу, сводящую все многообразие к «смыслу» и «значению». Без них невозможно понимание и мир рассыпался бы на незначущие, т.е. несвязные

фрагменты и события. О назначении слова в структуре ноосферы высказал замечательную догадку историк Б. Ф. Поршнев, хотя он мыслил и не в ноосферных категориях. Он утверждает, что в нервных центрах человека образуется суггестия – внушение словом. Она располагается там, где находится инстинкт – в точке встречи внешних импульсов и внутренних сигналов. Значение слова накладывается на инстинкт и подавляет его. Оно внедряется в нервные реакции и приостанавливает рефлекторное поведение. «Реакции человека во второй сигнальной системе противоположны первосигнальным реакциям. Но что бы это могло значить? Что способно "отменять" машинообразные автоматизмы первой сигнальной системы, если не "душа", не "дух"?» [18, с. 108].

Животное защищено немедленной и однозначной реакцией на внешние и внутренние сигналы. С ее помощью оно достигает цели. Реакция должна быть строго автоматической и молниеносной. Она не может варьировать даже при угрозе гибели, когда, казалось бы, выгодно изменить поведение. Роль слова заключается в отмене автоматизма ответа, в разрыве рефлекторной дуги. С ней исчез немедленный ответ, он отсрочился, стал переменным, неопределенным, потому что в разрыв вклинилась мысль о мире: «Что это?». Вместо рефлекса родилась рефлексия. А самоощущение и размышление, говорит Тейяр, дали человеку два великих, хотя и опасных свойства: предвидение и выбор [21, с. 108]. С современной точки зрения, т.е. кибернетической, это свойства информации, ее накопления и использования.

Универсум для мифопоэтического сознания более реален, чем внешний мир. Слово значит больше, чем обозначаемое им. Мы видим мир через окутывающее его значение, как сквозь испарения или через сито. Об этом свидетельствуют все данные этнографии и этнологии, изучающие первобытное примитивное мышление. Согласно французскому этнологу Люсьену Леви-Брюлю, опыт ничего не говорит человеку племени. Он ничего не знает в нашем смысле слова, т.е. не сможет представить себе и рациональным образом описать свойства животных, растений, людей, приемы работы со своими инструментами, исходя из их собственной природы. «Его сознание наперед заполнено огромным количеством коллективных представлений, под влиянием которых все предметы, живые существа, неодушевленные вещи или орудия, приготовленные рукой человека, мыслятся всегда обладающими множеством мистических свойств» [15, с. 47]. Эти «свойства», окутанные мистическими

значениями и есть коллективное подсознательное, которое, согласно Карлу Юнгу, производит древние архетипы мышления.

Несмотря на иллюзорность и «неправильность», образование слова и смысла мира стали решающим событием в биосфере, которое имеет одноранговое значение с образованием самой биосферы. По убеждению Э. Леруа и П. Тейяра, возникновение ноосферы равнозначно первому внедрению жизни в материю.

Слово, если взять сравнение из акустики, служит основной низкой несущей частотой ноосферы. На нем держится миф, образ мира, стоящий за любым высказыванием. Слово перевернуло мир и сделало человека другим, вызвав к жизни коллективное мышление, которое есть первоначальная основа деятельности. Племя равновелико внешнему миру и мнит себя причастным к нему. Личность, обогатившись значением слова, стала подобна внешнему миру, вместив его через идеальный образ в свое сознание, причем следует учесть, что картина помещается в коллективном, общем сознании племени. Но принципиального различия между коллективной и индивидуальной личностью по этому измерению нет. Вот почему у личности нет границ, как и у мира.

Разве правомерно связывать с этой точки зрения происхождение человека с приручением животных, с овладением огнем и изготовлением орудий? Всех синантропов, не являющихся человеком разумным, находят с огромным количеством ручных рубил, с пеплом костров, костями домашних животных. Они обладают развитой общественной организацией (а кто ею не обладает в животном мире?). Но все эти долюди – сухие опавшие листья на древе эволюции, ствол которой пошел по другому каналу – через слово.

Новое качество грандиозного переворота на планете достигнуто за счет мышления, заключенного в форму слова. Слово не произошло от обезьяны. Оно пришло не снизу, из тьмы, а сверху, из света, что бы под этим ни понимать. И потому ноосфера в таком аспекте даже не произошла из биосферы, а наслоилась на нее, хотя в геологическом смысле и есть ее продолжение. Но так же сверху наслаиваются и геологические слои.

Низкая несущая частота ноосферы не нуждается в постепенности, в приросте количества. Она или есть или ее нет. Человек стал собой сразу, скачком, практически мгновенно по меркам геологического времени, на фоне других медленных природных процессов. Согласно Поршневу, человек обогнул земной шар. т.е. замкнул сферу, всего за десять тысяч лет.

Основной тон словесной ноосферы есть представление о мире, или миф. На его основе создана вся остальная, материальная сторона ноосферы, к огорчению материалистов. Головное представление – первично, внешние построения – вторичны. Качество этой примитивной жизни, в общем, соответствуют тому образу, который содержался в господствующих мифах племени. Иначе говоря, первичная культура отражает сумму «знаний» первобытного человека о действительности и самом себе. Но каким бы фантастическим нам ныне ни казался миф, он выполняет свою жизнестроительную роль, так же как каменный топор выполняет свою роль на манер железного или электрического инструмента. Содержание мифа в данном случае – вопрос второстепенный. Главное, что оно выполняет свое назначение объяснения мира, помещая человека, лучше сказать, племя – в центр универсума. Первобытная магия, с помощью которой человек управлял, или – точнее, думал, что управляет миром, течением событий в нем, так же логична, как и современная алгебра. Они обе зиждутся на сознании порядка, безобманности мира. Если заданы главные конструктивные постулаты, правила не меняются, несмотря на несовместимость первичных посылок: мифических и иллюзорных у мага, и научных у алгебраиста. Тут вся соль миродействия.

Наиболее фундаментальна, изначальна идея порядка, а каков это порядок, зависит от степени развития ума. Идея Космоса – так называет ее Вернадский – есть главная идея человечества. Порядок всегда свидетельствует о единстве мира, о его цельности. Пусть сначала и иллюзорного, но без него не было бы современных глубоких идей этого единства. Так, например, египетские жрецы заметили, что звезда Сотис, которую теперь мы называем Сириус, всегда появляется в одно и то же время времени суток и года в одном и том же месте небосвода. И в ожидаемый день всегда начинался разлив Нила – важнейшее событие для всей страны. Из совпадения этих событий они сделали умозаключение, что Сотис и вообще небо управляет земными событиями, в частности судьбой страны и людей. Представление о таком порядке вещей легло в основание их развитой мифологии. Сириус стал звездой судьбы и одновременно – основой календаря. Мы до сих пор пользуемся их делением года, 360-градусным кругом, энцикликой и т.п.

А далее желание знать и предсказывать судьбу отдельных людей заставляет наблюдать за небесными явлениями. Возникает астрология, а за нею и астрономия с ее математическими методами. Математика дает несравненную

радость от совпадения расчетов с наблюдаемыми результатами. Небо становится учителем человечества. Знание отделяется от пользы и становится самостоятельной отраслью деятельности, хотя и окутанной еще мистическим флером. Так в глуби веков рождалась наука [см.: 6]. С ее отделением от магии и мистики в мифопоэтическом мышлении обнаруживается новый разрыв, крохотный зазор, трещина. Рядом с главной несущей частотой ноосферы зазвучал некий обертон: немистический способ связи с окружающим. Идея порядка и космоса сохраняется, и каждый раз новые знания должны увязываться в нечто единое со всей остальной идеологией, но в ней возникают новые звуки. Некоторая часть мнений у некоторых людей теперь основывается на опыте, на здравом смысле и наблюдениях, которые для первобытных коллективных представлений ничего не означают, как о том говорит этнология. Но шаг за шагом в течение веков наука расширяет зазор, отвоевывает области сознания.

Вот этот обертон уловил чутким ухом натуралиста Вернадский. И тогда стал говорить не просто о ноосфере, но о ноосфере научной, т.е. будущей, новой. Ноосфере, восходящей к своему определившемуся качеству. В каком же отношении находятся две частоты ноосферы: несущая и обертон, многозначное и могучее Слово и однозначное научное слово, миф и научная картина мира? Ясно, что и первая и вторая дают возможность преобразования мира, дело только в степени, объеме и глубине преобразования.

Вернадский много думал об этом соотношении. И пришел к выводу, что слово, если взять его в первоизданной природной данности, не передает реальности. (Как показал Поршневу, слово вовсе не предназначено для описания действительности, а совсем для другого – оно нужно для отсрочки рефлекторного ответа на раздражение, для приостановки действия.) Для познания естественный язык приспособлен плохо. Конечно, и сама наука всегда это ощущала, создавая свой терминологический корпус. Вернадский связал этот процесс осознания учеными недостаточности слова с ноосферными, геологическими процессами. Он выяснил, собственно говоря, всю глубину человеческого непонимания мира и самого себя. Не в силу непостижимой сложности этих объектов, но в большей степени из-за плохой приспособленности для познания самого инструмента познания. В нем содержатся вкрапления – предвзятые коллективные идеи, которые сильно искажают картину и от которых очень трудно освободиться. За любым словом

тянется шлейф из обрывков древних смыслов и мифов. Мешает контекст, заключающийся в самой грамматической форме. Так, например, часто повторяющееся на этих страницах словосочетание «начало мира» кажется настолько естественными и правильными, что не вызывает никакого логического протеста. А между тем нет ни одного научного факта, хоть каким-нибудь образом проливающим свет на это начало. А на нем стоит европейский тип мышления, оно накрепко спаяно с идеей начала из-за основополагающего библейского мифа о мире, да и просто из ощущения своего собственного начала, рождения в определенных месте, времени, семье.

Контекст придает прелесть и многозначительность художественному, подчас и философскому, языку, но в науке становится тормозом. Все языки, даже наиболее выработанные – философский и религиозный – не достигают глубины постижения закономерностей строения внешнего мира, какую дает наука со своими методами. Они только предварительно исследуют само мышление, чем занимается философия, или сообщают человеку энергию связи с целым, с абсолютном, что дает религия.

Вернадский пришел к выводу, что прежние языки и сложившиеся на основе контекста общие понятия – основной строительный корпус познания, – переходя в науку, отказываются работать. Общие понятия философии, сложившиеся в очень древние времена, основаны как раз на значении, на смыслах, охватывающих мир. Они анализируют отнюдь не первую, внешнюю природу, а вторую – слово и мышление, – стоящие между человеком и природой. В естествознании они себя исчерпали. На место общего понятия в нем заступает, говорит Вернадский, научный факт или естественное тело. Естественное тело как объект – новая реальность, стоит между реальностью «старой» и познающим субъектом. Факт есть модус связи субъекта и объекта, он существует не сам по себе, а вместе со способом его описания на текущем переднем крае действия научной мысли. На месте слова (рефлексии) как основного несущего конструкта появляется термин. Исчезает миф, вносящий контекст, и появляется текст, отказывающийся от значения в пользу однозначности. Текст состоит из миллионов и миллионов терминов, отражающих наблюдения и измерения, строящих модели (но не объяснения). Он состоит из расчетов, схем, графиков, машинных программ и миллиардов их сочетаний. Вернадский называет текст аппаратом науки – новым огромным явлением в мире.

Думается, что не случайно наука о ноосфере родилась в первой четверти нашего века. Вероятно, в это время количество фактов и созданных на их основе терминов каким-то образом сравнялось с количеством слов естественного языка. Образовалась критическая масса текста, который должен был быть осознан. Этот процесс отражал ставший заметным вклад человечества в геологические балансы сил, о котором силились сказать еще Гете, Александр Гумбольдт, предложивший термин «интеллектосфера» или Павел Флоренский, сконструировавший слово «пневматосфера». И все же наиболее адекватно впервые осознал этот процесс Вернадский. В 1926 году он писал: «Если нужна для нашего ума какая-нибудь аналогия этого природного процесса, мимо которого миллионы людей обычно проходят, его не замечая, этой аналогией может быть только *взрыв*. Можно говорить *о взрыве научного творчества*, идущего в прочных и стойких, неразрушающихся рамках, заранее созданных» [10, с. 233]. Таким образом, упрощенно говоря, будущая ноосфера, создаваемая ноосфера – та сфера деятельности умов, талантов и знаний, в которой ведущим процессом, основной несущей частотой станет научный способ освоения мира, ибо наука, в конце концов, не столько познает, сколько преобразует мир.

Но нет никаких оснований полагать, будто ноосфера научная отменяет ноосферу словесную. Так же как она не отменяет биосферу, а наслаивается на нее, так и внутри себя она расслаивается, подвергается дифференцированию. Происходит своеобразная стратификация мышления: мифопоэтическое мышление не отбрасывается, оно окультурируется. Полностью отбросить миф и заменить его наукой нельзя. Тогда наука немедленно займет место остальных равноценных с ней видов познания – религии, философии, искусства и, совершив такую операцию, вынуждена будет превратиться в мифотворца, поскольку никогда не сможет сказать, что все знает, и будет участки незнания связывать умозрительными идеями, ей несвойственными. Идея космоса, порядка и красоты – первична, и ради ее спасения наука бросится все объяснять, будет добиваться некоего всеобщего понимания причин и следствий, т.е. будет вводить контекст. И такие попытки время от времени возникают, когда на науку возлагают слишком много. Сциентизм периодически оживляется.

Крупный эксперимент тотального онаучивания жизни был уже поставлен в нашей одной, отдельно взятой стране. Христианство отменено, философия возведена в ранг науки и тоже потеряла свою специфику, поскольку ее выводы

объявили научными, непреложными, самыми правильными и т.п. Весь строй жизни как бы подчинен строго выверенному маршруту, безошибочному и планомерному шествию. Люди не просто жили, а двигались по нему или возводили вместе нечто большое, новое царство Божие на земле [см.: 1]. Но эксперимент, как известно, потерпел жизненный и идейный крах. И не в последнюю очередь из-за мифологизации множества областей, затемнивших действительность. Возложение на науку, на рациональное мышление непосильной и несвойственной ей функций надорвало науку. Вместо скромного описания и моделирования фактов действительности она попыталась окрасить в свои рационалистические тона, в атеистические и материалистические краски всю необъятную область мировоззрения человека, всю мистику обычного человеческого существования. Но личность как явление космическое оказалась в очередной раз больше той ниши, куда ее втискивали. И прежде всего потому, что человек существо деятельное, а не умственное. А чтобы действовать, одной науки мало.

Вернадский увидел порок эксперимента на самой начальной стадии его развертывания. Владение научным методом не застило ему глаза, он видел ограниченность голого рационализма и великую роль религиозного, личностного сознания. Шедшая долгие века борьба науки и религии, или науки и философии не должна заканчиваться победой ни одной из сторон. От ликвидации оппозиции проигрывают все. Исторические факты свидетельствуют не только о гибели науки, когда насильственно побеждают религия или некая официальная философия, но и о загнивании их самих, когда они лишаются визави. Тепличные условия для марксизма привели к полному застою в нем мысли.

И всегда разрыв цельности ослаблял человека, пока веками не выработалась некоторая мера соотношения рационализма и иррационализма, которую образованное общество интуитивно в целом поддерживает. Личность при этом опирается на все слои сознания, она свободно путешествует в них. И самое главное, что она не может действовать как автомат, без того личностного воодушевления, которое создается только религиозным опытом. Для того, чтобы действовать, личность должна преодолеть трагизм своего существования, а это невозможно без душевного подъема. Никакая наука ей для этого не сообщит энергию, ведь она дает только альтернативы, подчас предлагает массу рационально расчисленных вариантов, а надо выбрать один.

Победу науки над другими формами сознания предрекал, как известно, Огюст Конт, нарисовавший впечатлявшую и надолго очаровавшую европейскую (а в особенности – латиноамериканскую) мысль картину стройной смены мифологического сознания метафизическим, а затем научным. Но вскоре раскрылась более сложная структура человеческого сознания, демонстрирующая не разрывы и зачеркивания человеческой истории, а ее единство. Прошлое, где царствовали будто бы прежние слои сознания, не есть окончательно отошедшее в небытие, не есть цепь ошибок и заблуждений. Таким оно предстает только в гегелевском финализме, где каждая предыдущая форма мысли не самостоятельна, а служит только подготовительной стадией созревания его собственной философии. Прошлое обладает непреходящей ценностью, потому что есть, в сущности, духовное тело истории. В каждом сегодняшнем акте познания и деятельности в свернутом виде заключена вся предшествующая история. Вот почему философия никогда не устаревала, оставаясь самоценной. Каждое ее подлинное достижение несводимо ни к каким другим. Философия Платона не стареет и значима для нас именно в той форме, в какой была создана, а не в некоей преобразованной, хотя мнения о ней могут бесконечно меняться. Прошлые формы мышления обладают целостностью, а не являются частью чего-то другого. Именно потому, что человек существо деятельное и всегда был равен миру в целом, равновелик ему по своему внутреннему содержанию.

Наука же обладает другой формой целостности и единства – целостности метода, повторяемого и проверяемого, где каждое достижение обезличивается и служит частицей всеобщего. Поэтому наука наших дней так непохожа на знание прошлых веков. Она непрерывно обновляется. Соответственно, наука, в отличие, например, от существующих в личностной форме философии и искусства, устаревает. И ее старение – не патология, а норма, так же как нестарение философских учений и религиозных систем.

В отличие от контовских времен наука не претендует на всеобъемлемость. Она всегда строит из того, что у нее есть в распоряжении, не испытывая никакой тоски по недостаточности знания и озабочена не величиной и количеством охваченного, а корректностью своих методов. Она и есть метод в большей мере, чем что-либо и не претендует на создание всеобъемлющих систем – главного продукта философии и религии. Сила этих последних – во вселенском охвате, в полноте миропредставления и создания бесчисленных

собственных виртуальных миров, со своим пространством и временем. Сила науки в сознательном ограничении и в реальности единственного пространства-времени, которое у нее есть [см.: 2, гл. 21]. Она поставила себе предел: реальный мир и рациональность его освоения.

Но личность использует и силу иррационального, и личную мистику, и глубокие неосознанные движения души, ради которых отдельные люди даже живут. Опыт таких далеко не атеистических личностей, как Ньютон, Эйнштейн и сам Вернадский – очень показателен. Дело в том, что освоение реальности идет совокупными усилиями людей, но первый, самый трудный шаг должен делать кто-то один. Кто-то первый принимает решение, взваливает на себя всю судьбу мира своим предложением дальнейшего развития науки и никто ему не может в этом помочь. Наука, как и все остальное, развивается не путем думания, а путем делания, доказательством и утверждением истины материалом отдельной, причем, всей этой человеческой жизни. Этот шаг имеет вид персональный, окрашиваемый всем богатством психофизиологических качеств человеческой личности. И потому наука не имеет вид стройного развития по какому-то плану, а идет труднейшим путем личного переживания, в котором первоначально смешано все.

Итак, ноосфера эволюционирует, наращивая новый страт в мышлении. Он становится заметен в первой четверти нашего века и тогда осознается в более или менее правильной, т.е. терминологической форме. Нас здесь интересует, конечно, не машинерия и вообще техносфера – производные материи, а идеальная, деятельная сторона процесса, первоначальные проективные импульсы личности. Вернадский называет эту новую логику языка, соответствующую ноосферному страту, новой логикой естествознания. В отличие от старой, основанной, как мы уже говорили, на словах-понятиях (Вернадский называет ее логикой Аристотеля), новая логика (которую он именуется логикой Демокрита) зиждется на понятии естественного тела, факта природы, несводимого к слову Естественное тело природы не имеет образа, которым его можно представить. Его можно только описать с помощью специальных языков, прежде всего математического. Так, уже не представляются образно многие объекты современной науки, например, электрон или кварк. Их описывают математическими моделями, понимать которые не требуется. Их описания нужно запоминать, к ним привыкать и тогда никаких неудобств от непонимания человек не испытывает. Почти в каждой

статье 1930-х годов Вернадский выделяет специальный раздел, посвященный этой новой логике, без освоения которой текст статьи можно не читать. Особенно значим раздел «О логике естествознания» в его важнейшей книге 1943 года, которая напечатана, правда, лишь в 1980 году [11].

Усиление роли научного аппарата в ноосфере отражается все более зримо в техносфере планеты, в усложняющейся научной институализации общества, в росте числа техников, инженеров и ученых. В некоторых странах их количество уже превысило класс наемных рабочих. На фоне стандартных повторимых исторических ситуаций, обусловленных сходными формами социального бытия, экспоненциальное накопление знаний явственно. Создается такое впечатление, что оно проявляется в масштабе геологического времени. Человечество – только носитель разума, но не его создатель и не его хозяин; разум как функция (как и другие функции биосферы) более устойчив, чем случайные человеческие обстоятельства истории стран, народов и людей. Его развитие не подвержено мельтешению исторических фактов. Иногда знания не развивались, они останавливались на одном уровне из-за эпидемий, войн и просто потому, что не нарождались таланты. Но знания никогда не деградировали, не забывались и тем более не шли вспять. Вот почему только наука, а не разнообразные этнические события народов и государств создавала и создает необратимость истории.

Таким образом, никакой путаницы в вопросе о времени появления ноосферы нет. По Вернадскому, с широкой геологической точки зрения ноосфера явление единое. Она была, есть и будет, как эра господства на Земле разума. Некоторые геологи уже и до Вернадского выделяли ее в отдельную геологическую – антропогеновую эру, как называл ее коллега Вернадского по Московскому университету геолог А. П. Павлов. Другие геологи называли психозойской, настолько она резко выделяется от других «зойских» эр. Сегодня предпринимаются попытки ввести в геологическую номенклатуру новое геологическое понятие в геохронологической шкале – антропоцен. Этот таксон соответствует ноосфере, но он имеет более узкий объем.

С более узкой общественной точки зрения ноосфера не остается равной сама себе. Она эволюционирует, разветвляясь, или расслаиваясь. Главным слоем в ней становится не просто деятельность людей, а деятельность квалифицированная, на основе научного освоения мира. Процесс этот стихийный, как ни странно это звучит в применении к общественным

процессам. Однако он и природный в большей степени. Стихийность тут, как настаивал Вернадский, есть синоним закономерности процесса, не зависящего от воли, от желаний отдельных людей, их эгоистических классовых и национальных интересов или религиозно-фанатических движений.

Ноосфера как явление, имеет другой шаг времени – неведомый нам пока ритм космического движения, ее устойчивость обеспечивается миллиардами лет движения жизни в одну сторону – в сторону большей оразумленности бытия.

Библиографический список

1. Аксенов Г. П. Академия наук и власть. Третье столетие: между истиной и пользой // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М.: «Янус-К», 1999. С. 200–238.
2. Аксенов Г. П. Причина времени: жизнь, дление, необратимость. М.: Красанд, 2014. 400 с.
3. Аллен Дж., Нельсон М. Космические биосферы / Пер. с англ. В. С. Городинской. М.: Прогресс, 1991. 128 с.
4. Бергсон А. Материя и память. Исследование об отношении тела к духу / пер. с франц. А. Баулер. СПб.: Изд. Д. Е. Жуковского, 1911. VIII, 268 с.
5. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с 3-го французского издания М. Булгакова. М.: А. И. Мамонтов, 1909. 318 с.
6. Ван-дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука. II. Рождение астрономии. М.: Наука, 1991. 384 с.
7. Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Труды Биогеохимической лаборатории. Т. 16. М.: Наука, 1980. С. 228–245.
8. Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989. 703 с.
9. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере / Труды Биогеохимической лаборатории. Т. 16. М.: Наука, 1980. С. 212–222.
10. Вернадский В. И. О науке. Том I. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна: Феникс, 1997. 576 с.
11. Вернадский В. И. О состояниях пространства в геологических явлениях. На фоне роста науки XX столетия / Труды Биогеохимической лаборатории. Т. 16. М.: Наука, 1980. С. 86–164.

12. *Вернадский В. И.* Об условиях появления жизни на Земле / Труды Биогохимической лаборатории. Т. 16. М.: Наука, 1980. С. 278–295.
13. *Вернадский В. И.* Очерки геохимии. 7-е изд. (4-е русское). М.: Наука, 1983. 422 с.
14. *Иеромонах Андроник (Трубачев).* Предисловие [к статье П. А. Флоренского «Макрокосм и микрокосм»] // Богословские труды. № 24. М.: Московская Патриархия, 1983. С. 230–232.
15. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление / Пер. с франц., под ред. В. К. Никольского, А. В. Киссина. М.: Атеист, 1930. 344 с.
16. *Лосев А. Ф.* Философия имени. М.: Изд. автора, 1927. 256 с.
17. *Муравьев В. Н.* Овладение временем. М.: РОССПЭН, 1998. 320 с.
18. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 255 с.
19. *Семенова С. Г.* Паломник в будущее Пьер Тейяр де Шарден. СПб: Русская христианская гуманитарная академия, 2009. 672 с.
20. *Смирнов Г. С.* Философия Вернадского: мирознание третьего тысячелетия // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 1 (3). С. 78–93.
21. *Тейяр де Шарден П.* О счастье // Человек. 1991. № 2. С. 108–115.
22. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
23. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
24. *Le Roy E.* Les origines humaines et l'evolution de l'intelligence. Paris: Boivin, 1928. 375 p.

References

1. *Aksenov G. P.* Akademija nauk i vlast'. Tret'e stoletie: mezhdou istinoj i pol'zov // Rossijskaja Akademija nauk: 275 let sluzhenija Rossii. М.: «Janus-K», 1999. S. 200–238.
2. *Aksenov G. P.* Prichina vremeni: zhizn', dlenie, neobratimost'. М.: Krasand, 2014. 400 s.
3. *Allen D., Nelson M.* Kosmicheskie biosfery / Per. s angl. V. S. Gorodinskoj. М.: Progress, 1991. 128 s.

4. *Bergson A. Materija i pamjat'. Issledovanie ob otnoshenii tela k duhu / per. s franc. A. Bauler. SPb.: Izd. D. E. Zhukovskogo, 1911. VIII, 268 s.*
5. *Bergson A. Tvorcheskaja jevoljucija / Per. s 3-go francuzskogo izdanija M. Bulgakova. M.: A. I. Mamontov, 1909. 318 s.*
6. *Van-der-Varden B. Probuzhdajushhajasja nauka. II. Rozhdenie astronomii. M.: Nauka, 1991. 384 s.*
7. *Vernadskij V. I. Avtotrofnost' chelovechestva // Trudy Biogeoхимической лаборатории. T. 16. M.: Nauka, 1980. S. 228–245.*
8. *Vernadskij V. I. Nachalo i vechnost' zhizni. M.: Sovetskaja Rossija, 1989. 703 s.*
9. *Vernadskij V. I. Neskol'ko slov o noosfere / Trudy Biogeoхимической лаборатории. T. 16. M.: Nauka, 1980. S. 228–245.*
10. *Vernadskij V. I. O nauke. Tom I. Nauchnoe znanie. Nauchnoe tvorcestvo. Nauchnaja mysl'. Dubna: Feniks, 1997. 576 s.*
11. *Vernadskij V. I. O sostojanijah prostranstva v geologicheskikh javlenijah. Na fone rosta nauki HH stoletija / Trudy Biogeoхимической лаборатории. T. 16. M.: Nauka, 1980. S. 86–164.*
12. *Vernadskij V. I. Ob uslovijah pojavlenija zhizni na Zemle / Trudy Biogeoхимической лаборатории. T. 16. M.: Nauka, 1980. S. 278–295.*
13. *Vernadskij V. I. Oчерки геохимии. 7-е изд. (4-е русское). M.: Nauka, 1983. 422 с.*
14. *Ieromonah Andronik (Trubachev). Predislovie [k stat'e P. A. Florenskogo «Makrokosm i mikrokosm»] // Bogoslovskie trudy. № 24. M.: Moskovskaja Patriarhija, 1983. S. 230–232.*
15. *Lévy-Bruhl L. Pervobytnoe myshlenie / Per. s franc., pod red. V. K. Nikol'skogo, A. V. Kissina. M.: Ateist, 1930. 344 s.*
16. *Losev A. F. Filosofija imeni. M.: Izd. avtora, 1927. 256 s.*
17. *Murav'ev V. N. Ovladenie vremenem. M.: ROSSPJeN, 1998. 320 s.*
18. *Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoj istorii (Problemy paleopsihologii). M.: Mysl', 1974. 255 s.*
19. *Semenova S. G. Palomnik v budushhee P'er Tejjar de Sharden. SPb: Russkaja hristianskaja gumanitarnaja akademija, 2009. 672 s.*
20. *Smirnov G. S. Filosofija Vernadskogo: mirosoznanie tret'ego tysjacheletija // Noosfernye issledovanija. 2013. Vyp. 1 (3). S. 78–93.*
21. *Teilhard de Chardin P. O schast'e // Chelovek. 1991. № 2. S. 108–115.*

22. *Teilhard de Chardin P.* Fenomen cheloveka. M.: Nauka, 1987. 240 s.
23. *Filosofskij jenciklopedicheski slovar' / Gl. redakcija: L. F. Il'ichjov, P. N. Fedoseev, S. M. Kovaljov, V. G. Panov.* M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1983. 840 s.
24. *Le Roy E.* Les origines humaines et l'evolution de l'intelligence. Paris: Boivin, 1928. 375 p.